

Е Сяои удивлённо моргнул:

— Так скоро?

Мо Юэ невозмутимо отхлебнул чай и отозвался:

— Не переживай, я уже сыт по горло.

Пусть другие разбивают себе лбы в кровь, пытаюсь урвать убогие крохи с этого угасающего праздника жизни.

За последнее время дистрибьюторская сеть Мо Юэ разрослась до восьмидесяти с лишним престижных лавок в пяти-шести соседних городах. Общие продажи декоративных шпилек семьи Е перевалили за десять тысяч штук, а чистая выручка давно превысила колоссальную сумму в десять тысяч ланей серебра — то есть добрую тысячу золотом.

Денег на покупку породистых скакунов теперь хватало с избытком. Поэтому, едва лавка «Шуньчжай» объявила о прекращении закупок, Мо Юэ сразу всё понял.

Их собственная марка полностью вытеснила бренд семьи Е. Монополии на рынке пришёл конец: некогда эксклюзивный товар стремительно терял позиции под натиском новоявленных конкурентов. Торговцы развязали беспощадную ценовую войну, сбивая стоимость товара до неприличного минимума ради расширения своей доли на рынке.

Мо Юэ лишь презрительно усмехался над их близорукостью. В погоне за сиюминутной наживой эти дельцы собственноручно губили прибыльное дело и рубили сук, на котором сидели.

Впрочем, читать нотации подражателям он не собирался. Напротив, он сам охотно включился в эту гонку на выживание, планомерно снижая цены. Накопившиеся на складах запасы в любом случае требовалось поскорее сбыть с рук.

Немного поразмыслив, Е Сяои предложил:

— Пора сворачивать лавочку. Давай распродадим остатки. Чем меньше товара зависнет на руках, тем спокойнее нам будет спать.

Хорошего понемножку. Падение цен наглядно доказывало, что золотая лихорадка угасает. Рано или поздно ажиотаж сойдёт на нет, и всё вернётся на круги своя. В конце концов, бурный расцвет этой индустрии был лишь иллюзией, умело созданной руками двух малолетних

заговорщиков.

Мо Юэ понимающе улыбнулся:

— Именно об этом я и думал. Раз уж у меня появилось свободное время, мы наконец-то займёмся твоим образованием. Будем учиться писать параллельную прозу.

Е Сяои со вздохом взъерошил волосы и мысленно принялся набрасывать планы для следующего стартапа.

С этого дня Мо Юэ почти перестал отлучаться из дома, целиком посвятив себя наставничеству.

Поначалу нагрузка казалась щадящей — всего пара фраз в день. Но вскоре строгий учитель вошёл во вкус: требования росли, и вот уже бедному ученику приходилось выдавать по восемь безупречных параллельных строк ежедневно. Настоящая поэма!

Мо Юэ спуску не давал. Слабая рифма — переделывай, хромает ритм — пиши заново, а если наставнику просто не понравился слог — изволь переписать всё с чистого листа.

Е Сяои чувствовал, что эта учёба высасывает из него последние жизненные соки. Он то и дело взрывался от негодования, мечась по комнате и осыпая мучителя проклятиями, но тот оставался непреклонен.

Мо Юэ откровенно забавлялся, наблюдая за этими страданиями. Он ехидно ухмылялся:

— Как только твой слог станет идеальным, я сразу же избавлю тебя от этих мучений. А пока — пиши.

Доведённый до белого каления, Е Сяои устраивал партизанские набеги на комнату противника. Дождавшись, пока Мо Юэ уйдёт по делам, он нагло заваливался в его постель, безжалостно комкал одеяло и переворачивал всё вверх дном, превращая стерильно чистое помещение в подобие собственного свинарника.

Стоило ему увидеть, как чопорный чистюля нервничает при взгляде на этот беспорядок, как на душе у Е Сяои мгновенно легчало, и у него вновь появлялись силы грызть гранит науки.

В ответ на эти пакости Мо Юэ лишь многозначительно прищурился и со следующего дня удваивал нагрузку, заставляя паршивца трудиться ещё усерднее.

К своему удивлению, принц заметил, что, несмотря на полное отсутствие базовых знаний, мальчишка обладал поразительным упрямством. Чем сложнее была задача, тем яростнее он за неё брался. Стоило поднять планку, как Е Сяои, пусть и ворча, расшибал лоб, но находил

решение. Он явно принадлежал к той редкой породе людей, которых губит рутина, но окрыляют трудности. Только постоянный вызов мог раскрыть его истинный потенциал.

Знай Е Сяои, какими высокими материями объясняет его упорство Мо Юэ, он бы непременно покрутил пальцем у виска.

"Какой, к чёрту, потенциал? Да у меня просто в голове тикает таймер смерти, и жить хочется!"

Пока в доме Е с шумом и гамом шли уроки словесности, горы скопившихся на складе шпилек стремительно таяли. Вскоре от запасов не осталось и половины.

Но пока Мо Юэ лихорадочно распродал товар, бабушка Е продолжала без устали принимать новые партии от деревенских мастериц.

Вся логистика лежала на плечах Мо Юэ: он закупал упаковочные коробки, договаривался о лакировке и золотом тиснении, развозил заказы по лавкам. Бабушка же полностью взяла на себя работу с местными швеями.

Пятнадцатилетнему юноше не пристало целыми днями крутиться среди деревенских баб и девок — поползут грязные слухи. Поэтому отбором готовых изделий и расчётами с мастерицами бабушка занималась лично.

Пожилая женщина неожиданно для себя стала главным работодателем в округе. Слава о ней разнеслась так быстро, что к её дому потянулись зажиточные крестьянки и молодые девушки даже из соседних деревень.

Плата в пятьдесят монет за одну шпильку была невиданной щедростью. Сбывая товар в уездном городе самостоятельно, умелицы не выручили бы и половины этой суммы, так за право получить заказ разгорались нешуточные битвы.

Видя, что у их порога по-прежнему толпится народ, Е Сяои не спешил закрывать лавочку. Пусть рынок и катился к упадку, дело всё ещё приносило приличную прибыль, а Мо Юэ успешно сбывал излишки. Домашняя мануфактура продолжала работать на полную мощность, обеспечивая местных женщин стабильным заработком.

Но там, где пахнет лёгкими деньгами, неизбежно начинаются дразги.

В скромном домике Е яблоку негде было упасть, и вскоре посыпались первые неприятности.

Сначала объявились наглые бабёнки, которые пытались всучить откровенный брак. Получив отказ, они поднимали крик на всю улицу, обвиняя старуху в обмане: мол, заставила горбатиться весь день бесплатно!

Однако бабушка Е была не из робкого десятка. Она тут же созывала остальных мастериц в свидетели:

— Ну-ка, бабы, поглядите на это убожество! Швы вкривь и вкось, нитки торчат во все стороны! Как я такое приму? Из-за такой халтуры мы всю репутацию растеряем. Лавки откажутся от наших шпилек, и мы все останемся без куска хлеба. Кого потом винить будете?

Женщины, дорожившие своим местом, дружно принимали сторону хозяйки и быстро ставили скандалисток на место. За одну качественно сделанную шпильку здесь платили столько, что можно было купить два цзиня сочного мяса. За месяц набегало полтора ланя серебра — для бедняцкой семьи это были колоссальные деньги, на которые иные жили целый год. Естественно, лишаться такого подспорья никто не хотел.

Осознав, что криком ничего не добиться, некоторые завистницы сменили тактику. Опираясь на авторитет своих мужей в деревне, они начали приходить в дом к вдове с недвусмысленными придирами, надеясь прибрать прибыльное дело к рукам. Они то и дело сыпали колкостями, пытаясь спровоцировать пожилую женщину на скандал, то пускали слухи, будто семья Е наживается на чужом труде и загребает золото лопатой.

Дело дошло до откровенного воровства: особо ушлые гости ухитрились прибрать к рукам дорогие шпильки, украшенные золотом и полудрагоценными камнями. Пойманные за руку, они отпирались до последнего, заявляя, будто честных людей оговаривают из зависти.

Злые языки бабушка Е ещё могла перетерпеть, но когда у неё из-под носа начали тащить жемчуг и нефрит, её ангельскому терпению пришёл конец. Привыкшая тушеваться перед незнакомцами на улице, здесь, на своей территории, пожилая женщина преображалась. За свою долгую жизнь она успела повидать уездный город и даже мельком видела самого судью, так что деревенским кумушкам спуску давать не собиралась.

Бабушка Е уперла руки в бока и пригрозила воровкам судом:

— Мой старший сын голову сложил за императора, я — вдова героя, находящаяся под защитой закона! Вот пойдём к судье, и посмотрим, чью сторону он примет! Младший мой — сюцай, он перед чиновниками колен не преклоняет и с самим уездным начальником за одним столом беседы ведёт! А вы, воровки дешёвые, вздумали меня грабить? А ну пошли в управу, живо!

Стоило старухе показать когти, как незадачливые похитительницы побросали краденое и в панике бросились наутек. Ни одна из деревенских баб отродясь не бывала в суде, но все они были наслышаны о страшных пытках и телесных наказаниях для воровок. Побой бамбуковыми палками казались лишь цветочками по сравнению с жуткими слухами, что ходили по уездам. Испытывать судьбу дуры не хотели.

Вернув ценности на место, бабушка наконец смогла облегчённо вздохнуть.

Трое беззащитных людей в одном доме, да ещё и заколачивающих приличные деньги — такое зрелище не давало покоя завистникам. Соседи исходили злобой, мечтая наложить лапу на процветающую мануфактуру. К бабушке то и дело засылали лазутчиков, пытавшихся выведать, кому именно она сбывает товар по столь баснословной цене.

Старушка охотно хвасталась успехами сына-учёного или связями с богатым помещиком Ваном, но на вопросы о покупателях лишь разводила руками — она и сама толком ничего не знала. К тому же Е Сяои заранее строго-настрого запретил ей распространяться о каналах сбыта. Коммерческая тайна! Даже о том, что готовые изделия проходят дополнительную лакировку и упаковку перед продажей, бабушка с внуком помалкивали.

Все закупки и продажи держались исключительно на Мо Юэ. Местные мужики не раз пытались выследить его во время поездок в город, но парень с лёгкостью растворялся в толпе. Тягаться в искусстве маскировки и контрразведки с бывшим принцем — затея изначально обречённая на провал.

И всё же местные воротилы не сдавались. Члены семьи Е буквально чувствовали на себе алчные взгляды деревенских авторитетов. Земляные змеи жаждали выйти на таинственного скупщика шпилек. Стоило им разузнать дорогу, и монополии вдов пришёл бы конец — дельцы живо подмяли бы под себя весь трафик.

Дошло до того, что банда местных лоботрясов попыталась преградить дорогу повозке Мо Юэ. Юноша без лишних слов уложил наглецов лицом в грязь в два счёта. Но те не растерялись: поднялись, отряхнулись и завалились прямо в дом к Е Сяои, требуя виру за побои.

Явиться с вымогательством к Е Сяои было их роковой ошибкой. Озверевший от бесконечной зубрёжки параллельной прозы мальчишка только и ждал повода выпустить пар. Завидев незваных гостей, он прямо-таки расцвёл.

"Вымогать у меня деньги? Ну-ну. Сейчас мы посмотрим, кто у нас тут раскошелится"

Е Сяои приветливо, со сладкой улыбкой, шагнул им навстречу:

— Так вам, значит, жуть как интересно, кто скупает наши шпильки по такой цене? Ладно, подходите ближе, шепну на ушко...

Откуда этим деревенским олухам было знать, какая коварная бездна скрывается за невинным взглядом десятилетнего ребёнка? Решив, что малец просто испугался их грозного вида и сейчас выложит всё как на духу, они довольно осклабились.

Выслушав заманчивые откровения Е Сяои, разбойники, сияя от радости, тут же поспешили восвояси, спеша доложить своим главарям о лёгкой добыче.

<http://bllate.org/book/18182/1753305>